

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
БЛАГОДАРНОСТИ.	17

ЧАСТЬ I

ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ, ИЛИ КАК ВЕРНУТЬСЯ К ГОСУДАРСТВУ, ДАЖЕ НЕ СТРЕМЯСЬ К ЭТОМУ

ГЛАВА 1. ЗАЧЕМ НУЖНА ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ?	21
<i>Политическая философия</i>	21
<i>Объясняющая политическая теория</i>	24
ГЛАВА 2. ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	29
<i>Защитные ассоциации</i>	31
<i>Доминирующая защитная ассоциация</i>	36
<i>Объяснения с позиции «невидимой руки»</i>	39
<i>Является ли доминирующая защитная ассоциация государством?</i>	45
ГЛАВА 3. МОРАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ГОСУДАРСТВО.	49
<i>Минимальное государство и ультраминимальное государство</i>	49
<i>Моральные ограничения и моральные цели</i>	51
<i>Зачем нужны жесткие ограничения?</i>	54
<i>Либертарианские ограничения</i>	57
<i>Ограничения и животные</i>	60
<i>Машина по производству личного опыта</i>	68
<i>Недоопределенность моральной теории</i>	71
<i>На чем основываются ограничения?</i>	74
<i>Анархист-индивидуалист</i>	77
ГЛАВА 4. ЗАПРЕТ, КОМПЕНСАЦИЯ И РИСК	81
<i>«Независимые» и доминирующее защитное агентство</i>	81
<i>Запрет и компенсация.</i>	84
<i>Зачем запрещать?</i>	86
<i>Теории наказания: ретрибутивная теория и теория сдерживания</i>	87

<i>Дележ выгод от обмена</i>	91
<i>Страх и запрет</i>	94
<i>Почему бы всегда не запрещать?</i>	100
<i>Риск</i>	102
<i>Принцип компенсации</i>	108
<i>Продуктивный обмен</i>	115
ГЛАВА 5. ГОСУДАРСТВО	121
<i>Запрет для частных лиц на принудительное обеспечение справедливости</i>	121
<i>«Принцип честности»</i>	123
<i>Процессуальные права</i>	130
<i>Как имеет право действовать доминирующее агентство?</i>	136
<i>Монополия de facto</i>	144
<i>Защищая других</i>	146
<i>Государство</i>	149
<i>Объяснение возникновения государства с позиции «невидимой руки»</i>	155
ГЛАВА 6. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ГОСУДАРСТВА	157
<i>Остановка процесса?</i>	157
<i>Превентивный удар</i>	163
<i>Поведение в ходе процесса</i>	169
<i>Легитимность</i>	172
<i>Всеобщее право наказывать</i>	177
<i>Превентивное ограничение</i>	183
ЧАСТЬ II	
ЗА ПРЕДЕЛАМИ МИНИМАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?	
ГЛАВА 7. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ	193
РАЗДЕЛ I	194
<i>Теория справедливости, основанная на титулах собственности</i>	194
<i>Исторические принципы и принципы, основанные на конечном результате</i>	198
<i>Калибровка по паттерну</i>	200
<i>Как свобода разрушает калибровочные паттерны</i>	206
<i>Аргумент Сена</i>	212
<i>Перераспределение и права собственности</i>	214
<i>Теория присвоения Локка</i>	222
<i>Оговорка</i>	227

РАЗДЕЛ II	232
<i>Теория Ролза</i>	232
<i>Общественное сотрудничество</i>	233
<i>Условия сотрудничества и принцип различия</i>	239
<i>Исходное положение и принципы, основанные на конечном результате</i>	249
<i>Макро и микро</i>	257
<i>Естественные преимущества и произвольность</i>	266
<i>Положительный аргумент</i>	271
<i>Отрицательный аргумент</i>	280
<i>Коллективные преимущества</i>	284
ГЛАВА 8. РАВЕНСТВО, ЗАВИСТЬ, ЭКСПЛУАТАЦИЯ И Т.Д.	291
<i>Равенство</i>	291
<i>Равенство возможностей</i>	294
<i>Самоуважение и зависть</i>	298
<i>Осмысленная работа</i>	307
<i>Рабочий контроль</i>	311
<i>Эксплуатация по Марксу</i>	314
<i>Добровольный обмен</i>	325
<i>Филантропия</i>	327
<i>Право влиять на то, что вас касается</i>	331
<i>Не-нейтральное государство</i>	335
<i>Как действует перераспределение</i>	338
ГЛАВА 9. ДЕМОКТЕЗИС	341
<i>Последовательность и параллельные примеры</i>	342
<i>Как получить государство, выходящее за рамки минимального</i>	345
<i>Гипотетические истории</i>	358
Часть III	
УТОПИЯ	
ГЛАВА 10. РАМКА ДЛЯ УТОПИИ	365
<i>Модель</i>	365
<i>Модель, спроецированная на наш мир</i>	376
<i>Рамка</i>	378
<i>Проектирование и фильтрация</i>	382
<i>Рамка как общая основа для утопии</i>	388
<i>Сообщество и государство</i>	392
<i>Изменяющиеся сообщества</i>	395
<i>Тотальные сообщества</i>	396

<i>Утопические средства и цели.</i>	397
<i>Как выглядит утопия.</i>	404
<i>Утопия и минимальное государство.</i>	405
БИБЛИОГРАФИЯ	407
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	413

Нашу серию «Политическая наука» продолжает работа американского философа Роберта Нозика (1938—2002) «Анархия, государство и утопия», оказавшая и до сих пор оказывающая значительное влияние на всю западную политическую философию и политологию. Вскоре после публикации в 1974 г. она принесла своему автору одну из самых престижных литературных наград в США — Национальную книжную премию (National Book Award) в номинации «Философия и религия» (1975 г.). Вскоре «Анархия, государство и утопия» вошла в список обязательной для чтения литературы для всех студентов, изучающих политическую философию. Она пополнила этот список вслед за вышедшей тремя годами раньше книгой Джона Ролза «Теория справедливости», с которой работа Нозика полемизирует. Но если «Теория справедливости» уже более десяти лет назад стала доступной русскоязычному читателю¹, то «Анархия, государство и утопия» приходит к нему только сейчас.

В своей книге Р. Нозик, используя философскую аргументацию, обосновывает политическую концепцию, которую мы в Европе обычно называем либерализмом (или классическим либерализмом)². В соответствии с ней функции государства должны быть ограничены защитой жизни и собственности его граждан, а всякое расширение его функций за эти пределы не является морально оправданным. В качестве отправной точки для своих рассуждений автор берет то самое «естественное состояние», от которого отталкивались многие политические философы, определившие облик западной традиции, от Гоббса и Локка до Ролза и Бьюкенена. Р. Нозик со своим трудом органично вписывается в эту традицию.

К моменту выхода «Анархии, государства и утопии» классический либерализм считался на Западе устаревшей концепцией и имел сравнительно мало сторонников в академической среде. Несмотря на это, книга Р. Нозика была с интересом встречена и в целом принята в ученых кругах в качестве серьезной и «респектабельной»

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.

² В Америке это политическое направление называют «либертарианством», чтобы не путать с «либерализмом», под которым за океаном понимают то, что у нас проходит под маркой правой социал-демократии или демократического социализма.

работы. Почему это произошло? Хотя тому наверняка есть целый ряд причин, но, по-видимому, две из них заслуживают упоминания в связи с выходом этой работы на русском языке. Во-первых, «Анархия, государство и утопия» стала предвестником и одновременно одной из вех того идеологического и политического сдвига, который произошел в странах Запада на рубеже 70—80-х годов XX в. и влияние которого мир в полной мере испытывает сегодня. Во-вторых — и это послужило одним из главных мотивов, по которым Редакционный совет серии решил включить в нее книгу Р. Нозика — эта работа является ярким примером применения современной аналитической философии в сфере политической мысли.

В последние годы российский рынок не испытывает дефицита в переводной философской литературе. Однако во всем этом массиве традиция аналитической философии занимает место, далеко не соответствующее ее реальному весу в современных философских исследованиях и среди издаваемых книг преобладают труды классиков, а не современных мыслителей. Что касается работ по политической философии, выполненных в этой традиции, то их выход на русском языке — исключительно редкое явление.

Поэтому, принимая решение об издании книги Р. Нозика, мы стремились не только донести до русскоязычной аудитории одну из фундаментальных современных работ по политической философии, но и продолжить знакомство нашего читателя с одной из основных философских традиций нашего времени. Можно соглашаться или не соглашаться с выводами автора, но изучение применяемого им интеллектуального аппарата, несомненно, будет полезным любому специалисту в сфере философии и общественных наук.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель Редакционного совета
Октябрь 2007 г.

Предисловие

Люди обладают правами, и поэтому есть действия, которые не может совершать по отношению к индивиду ни отдельный человек, ни группа лиц (без нарушения этих прав). Так как эти права весьма обширны и строго определены, то возникает вопрос: что могут сделать, если хоть что-то могут, государство и его должностные лица? Какое пространство оставляют права индивида государству? Центральная тема представляемой книги — природа государства, его легитимные функции и их оправдание, если таковое существует. В ходе исследования мы затронем множество самых разных взаимосвязанных вопросов.

Наши главные выводы относительно государства состоят в том, что оправдано существование только минимального государства, функции которого ограничены узкими рамками — защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т.п.; что любое государство с более обширными полномочиями нарушает право человека на личную свободу от принуждения к тем или иным действиям и поэтому не имеет оправдания; и что минимальное государство является одновременно и вдохновляющим, и справедливым. Из этого следуют два важных вывода: во-первых, государство не должно использовать аппарат принуждения ради того, чтобы заставить одних граждан помогать другим, и, во-вторых, государство не должно запрещать какие-либо виды действий людей ради *их* блага или *их* защиты.

Несмотря на тот факт, что такая точка зрения исключает лишь принудительные пути достижения этих благих целей, а добровольные признает, многие люди без промедления отвергнут наши выводы, поскольку *не хотят* принять подобное бесчувственное отношение к нуждам и страданиям других. Я знаком с подобной реакцией; я сам отреагировал точно так же, когда впервые столкнулся с этими взглядами. Но, не без внутреннего сопротивления, в результате размышлений и изучения аргументов, я стал приверженцем этих взглядов, которые теперь принято называть либертарианскими. В этой книге очень немногое указывает на мое прежнее неприятие. Вместо этого в ней большое количество рассуждений и доводов, которые я стремился представить насколько возможно убедительно, из-за чего рискую нанести двойную обиду: излагаемой мною позицией и тем, что я привожу аргументы в обоснование этой позиции.

Вы не найдете в этой книге моего бывшего неприятия, потому что оно исчезло. Со временем я привык к этим взглядам и выводам

из них и теперь рассматриваю сферу политики через их призму. (Не следовало ли мне сказать, что они позволяют мне видеть *сквозь* сферу политики?) Поскольку многие из тех, кто занимает сходную позицию, отличаются узостью и жесткостью взглядов и — парадоксальным образом — преисполнены негодования по поводу более независимых способов мышления, я, после разработки естественных следствий из моей теории, оказываюсь в дурной компании. Я не в восторге от того, что большинство людей, которых я знаю и уважаю, расходятся со мной во взглядах, поскольку вышел из возраста, когда получаешь довольно сомнительное удовольствие от факта, что можешь ошарашивать или раздражать людей убедительными доводами в пользу того, чего они не любят или даже не переносят.

Я пишу, придерживаясь того стиля, в каком пишутся многие современные философские работы по эпистемологии или метафизике: предлагаются детально проработанные аргументы, для опровержения утверждений используются вымышленные контр-примеры, приводятся неожиданные тезисы, головоломки, абстрактные структурные условия непротиворечивости, предложения построить другую теорию, объясняющую определенный набор частных случаев, парадоксальные выводы и т.п. Хотя, как я надеюсь, все это представляет интеллектуальный интерес и доставляет удовольствие, некоторые могут счесть, что истина в области этики и политической философии слишком серьезна и важна, чтобы добывать ее с помощью таких «дешевых» приемов. Тем не менее вполне возможно, что в этике понятие истинности заключается совсем не в том, в чем мы привыкли думать.

Для кодификации уже существующих взглядов или разъяснения общепринятых принципов можно обойтись без развернутых аргументов. Считается, что для опровержения иных взглядов достаточно просто указать на то, что они противоречат тем, которые читатель в любом случае склонен принять. Но взгляды, расходящиеся с мнениями читателя, не могут быть обоснованы лишь указанием на то, что общепринятые *им* противоречат! Напротив, необходимо подвергнуть существующие воззрения строжайшей интеллектуальной проверке и испытанию с помощью контраргументов, придирчивого исследования исходных посылок и моделирования ряда возможных ситуаций, применение к которым этих представлений приводит к выводам, неприемлемым даже для их подборников.

Но и тот читатель, которого не убедят мои доводы, обнаружит, что в процессе отстаивания и обоснования своих взглядов он их прояснил и углубил. Более того, я склонен думать, что интеллектуальная честность требует, чтобы хотя бы изредка мы отвлекались на опровержение серьезных аргументов, противоречащих нашим

взглядам. Как еще мы можем защитить себя от упорствования в заблуждениях? Будет оправданным напомнить читателю, что интеллектуальная честность бывает опасна; аргументы, показавшиеся сначала просто занятыми, могут вас переубедить и даже показаться естественными и интуитивно приемлемыми. Только отказ слушать гарантирует, что вы не будете пленены истиной.

Содержание представляемой книги состоит в приводимых конкретных аргументах, но здесь я могу кратко перечислить то, что ждет читателя на ее страницах. Поскольку я начинаю со строго определения прав индивида, мне приходится серьезно рассмотреть утверждение анархистов, согласно которому государство, поддерживая свою монополию на применение силы и защиту всех людей, находящихся на его территории, не может не нарушать права индивида и поэтому аморально по своей сути. Опровергая это утверждение, я доказываю, что государство возникнет из анархии (понимаемой как естественное состояние, по Локку), даже если никто этого не захочет и не приложит к этому никаких усилий, причем этот процесс может не сопровождаться нарушением чьих-либо прав. Обосновывая этот главный тезис части I, мы затронем множество разных вопросов, например: почему нравственные представления включают внешние ограничения действий, а не ограничиваются целеполаганием; отношение к животным; причины того, что возникновение сложных структур лучше объяснять процессами, не являющимися результатом чьего-либо замысла; причины, по которым некоторые действия просто запрещаются вместо того, чтобы быть разрешенными при условии выплаты компенсации жертвам; несостоятельность теории наказания как устрашения; вопросы, связанные с запретом опасных действий; так называемый «принцип честности» Герберта Харта; упреждающее нападение и предварительное заключение. Эти и другие вопросы затрагиваются в ходе исследования природы и моральной легитимности государства и анархии.

Часть I посвящена обоснованию легитимности минимального государства. В части II доказывається, что государство с более обширным набором функций не может быть оправдано. Я доказываю, что разнообразные доводы, призванные обосновать необходимость бóльшего государства, не достигают цели. Чтобы опровергнуть утверждение, что такое государство оправдано необходимостью достичь или сохранить справедливость в распределении благ, я развиваю теорию справедливости (теорию прав собственности), которая не требует никакого расширенного государства, и использую аппарат этой теории для препарирования и критики других теорий распределительной справедливости, предусматривающих более, чем минимальное государство, и при этом особое внимание уделяю новейшей влиятельной теории Джона Ролза.

Подвергнуты критике и другие доводы, которые, по мнению некоторых, оправдывают государство с более широким набором полномочий, и в том числе аргументы, основанные на равенстве, зависти, рабочем контроле и марксистской теории эксплуатации. (Читатели, которым часть I покажется трудной, обнаружат, что часть II читается гораздо легче, а глава 8 проще главы 7). Часть II завершается гипотетическим описанием того, как могло бы возникнуть более, чем минимальное государство, цель этого описания — сделать такое государство достаточно непривлекательным. С другой стороны, даже если одно лишь минимальное государство является оправданным, оно может показаться довольно тусклым идеалом, вряд ли способным воодушевить человека или поднять его на борьбу. Для оценки этого утверждения я обращаюсь к исследованию наиболее вдохновляющей традиции общественной мысли — утопических теорий — и показываю, что единственное, что из этой традиции заслуживает сохранения, — это структура минимального государства. Доказательство включает сравнение разных методов формирования общества, моделирующих и фильтрующих устройств, а также представление модели, которая требует применения используемого в математической экономике понятия ядра экономики.

Мой акцент на выводах, отличающихся от того, во что верит большинство читателей, может навести на ошибочную мысль, что эта книга представляет собой своего рода политический трактат. Это не так; она представляет собой философское поисковое исследование вопросов, которые сами по себе чрезвычайно увлекательны и которые возникают в ходе исследования взаимосвязи между правами личности и государством. Слова «поисковое исследование» здесь не случайны. Одно из расхожих представлений о том, как нужно писать философские книги, выглядит следующим образом: автор должен тщательно продумать все детали сообщаемой концепции и все связанные с ней проблемы, затем оттачивает, шлифует текст и предьявляет миру завершённое, тщательно отделанное и элегантное целое. Я не согласен с этим. Как бы то ни было, я верю, что в нашей живой интеллектуальной жизни есть место и потребность в менее завершённых работах, содержащих наряду с главной линией аргументации также недоговоренности, догадки, открытые вопросы и проблемы, намеки, побочные соображения. Есть место для иных слов о предмете, кроме последних.

Действительно, меня озадачивает общепринятый стиль предьявления философских идей. Философские труды написаны так, будто авторы верят, что сказали о предмете последнее слово. Но было бы явной несправедливостью предположить, что каждый философ думает, что он, наконец, хвала Богу, нашел истину и окружил ее неприступной крепостью. На самом деле все мы

намного более скромны. И для этого есть веская причина. После долгих и упорных раздумий о том, что он предлагает миру, философ достаточно хорошо понимает свои слабые места — те места, где у большой интеллектуальной нагрузки слишком хрупкая опора, где его теория может начать рассыпаться и где могут быть обнаружены непроверенные предпосылки, в которых он сам не вполне уверен.

Есть форма философской деятельности, которую можно сравнить с попыткой размещения различных вещей в пределах некоего периметра заданной формы. Все эти вещи разложены перед тобой, и нужно каким-то образом поместить их в форму. Ты заталкиваешь материал в эту жесткую форму с одной стороны, а он вылезает с другой. Ты заходишь с другого боку, пытаешься опять, а пузырь вылезает в ином месте. В общем, ты нажимаешь, обрезаешь углы, чтобы вещи упаковывались плотнее, еще раз надавливаешь, и, наконец, почти все удается вогнать в форму; конструкция получается не слишком-то устойчивой, но все вроде бы оказывается на месте, а лишнее выбрасываешь подальше, чтобы никто не заметил. (В философии, разумеется, все не *настолько* грубо. Есть еще лесть и уговоры. И подобающая жестикуляция.) Наконец, нашелся ракурс, в котором все выглядит просто идеально, делаем мгновенный снимок, выдержку покороче, чтобы не успел возникнуть очередной пузырь. Теперь назад в темную комнату, чтобы еще разок пройти по дырам, швам и неувязкам ткани периметра. После этого остается только опубликовать фотографию, чтобы все могли увидеть, как оно обстоит на самом деле, и отметить при этом, что никакая другая форма не обеспечивает такой прекрасной упаковки.

Ни один философ не скажет: «Вот здесь я начал, а здесь я закончил. Главная слабость моей работы состоит в том, что я пошел отсюда сюда. В частности, вот здесь самые заметные искажения, здесь пришлось поработать киянкой, здесь — подтесать, подтянуть, надавить и поджечь, и все это пришлось проделать, чтобы добраться до места, не говоря уже обо всем, что пришлось выбросить, проигнорировать и спрятать от пристального взгляда».

Нежелание философов говорить о слабостях собственных идей — это, я думаю, не просто вопрос о философской честности и добросовестности, хотя на самом деле так оно и есть или, по крайней мере, так получается, когда включается самосознание. Подобное нежелание связано с задачей, которую решают философы, формулирующие свой взгляд на вещи. Почему они стремятся все впихнуть в одну заданную форму? Почему бы не использовать другую форму или, более радикально, почему бы не оставить все так, как оно есть? Почему нам так важно, чтобы все уложилось в заданную фигуру? Зачем нам это нужно? (От чего это нас

защищает?) Я надеюсь, что в работе мне не удастся спрятаться от таких глубоких (и пугающих) вопросов.

Однако я затронул все эти темы не потому, что считаю, что они имеют большее отношение к этой работе, чем к другим философским трудам. То, что говорится в этой книге, я считаю правильным. Я не собираюсь ни от чего отказываться. Напротив, я намерен отдать это вам: сомнения, тревоги и неуверенность наравне со взглядами, убеждениями и аргументами.

Там, где я чувствую натяжки в моих аргументах, переходах, предположениях и т.п., я пытаюсь дать комментарий или хотя бы привлечь внимание читателя к тому, что меня тревожит. Заранее можно высказать некоторые общие теоретические поводы для беспокойства. Эта книга не содержит точной теории моральных оснований прав индивида; в ней нет точной формулировки и обоснования теории правосудия как воздаяния (*retributive justice*), как нет и точной формулировки принципов трехчастной (*tripartite*) теории распределительной справедливости. Многое из сказанного мною опирается на общие характеристики, которыми, мне кажется, должны обладать разработанные теории такого рода, или использует эти характеристики. В будущем я бы хотел написать об этих вещах. Если я это сделаю, то, несомненно, теория окажется не такой, какой она представляется мне теперь, и это потребует некой модификации воздвигнутой здесь конструкции. Было бы глупо рассчитывать, что я удовлетворительно справлюсь с этими фундаментальными задачами. Впрочем, хранить молчание, пока достигнешь совершенства, ничуть не умнее. Возможно, этот набросок побудит других прийти на помощь.

Благодарности

Первые девять глав этого исследования были написаны в 1971—1972 гг., когда я был стипендиатом-исследователем Центра специальных исследований в области наук о поведении человека в Пало-Альто — минимально упорядоченной академической организации, граничащей с индивидуалистической анархией. Я очень признателен Центру и его сотрудникам, создавшим обстановку, в которой очень хорошо работается. Глава 10 была представлена на симпозиуме «Утопия и утопизм» на собрании Восточного отделения Американской философской ассоциации в 1969 г.; отдельные места из доклада потом разлетелись по разным главам. Вся рукопись была переработана летом 1973 г.

Возражения Барбары Нозик против ряда защищаемых мною позиций помогли мне отточить свои взгляды; да и помимо этого она оказала мне безмерную помощь. В течение нескольких лет я обкатывал некоторые идеи этого исследования в беседах с Майклом Уолцером, и его комментарии, вопросы и контраргументы были очень полезны для меня. Я получил из Центра детальные и очень полезные письменные комментарии ко всей книге от У. В. Куайна, Дерека Парфита и Гилберта Хармана, к главе 7 — от Джона Роулза и Фрэнка Майклмена, а к раннему варианту части I — от Алана Дершовица. Мне также было очень полезно обсуждение с Рональдом Дворкином того, как (не)могли бы действовать конкурирующие охранные агентства, а также советы Бартона Дребена.

Разные части этого текста на разных стадиях год за годом читались и обсуждались на собраниях Общества философии, этики и права (Society for Ethical and Legal Philosophy, SELF); регулярные дискуссии с членами Общества были интеллектуальным стимулом и источником удовольствия. Мой интерес к теории индивидуалистической анархии примерно шесть лет назад пробудил долгий разговор с Мюрреем Ротбардом. Еще прежде этого споры с Брюсом Голдбергом заставили меня отнестись к либертарианским взглядам достаточно серьезно, чтобы появилось желание доказать их несостоятельность, а затем и углубиться в этот предмет. Результат перед вами.

Часть I

ТЕОРИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ,
ИЛИ
КАК ВЕРНУТЬСЯ К ГОСУДАРСТВУ,
ДАЖЕ НЕ СТРЕМЯСЬ К ЭТОМУ

Глава 1

ЗАЧЕМ НУЖНА ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ?

Если бы государства не существовало, была бы необходимость в том, чтобы его изобрести? Была бы в нем *нужда* и следовало бы его *изобретать*? Такие вопросы встают перед политической философией и перед теорией, объясняющей политические явления, и ответ на них дает исследование «естественного состояния» (если использовать терминологию традиционной политической теории). Обращение к этой архаической идее могло бы быть оправдано тем, что возникающая в результате теория окажется плодотворной, интересной и даст основания для далеко идущих выводов. Данная глава предназначена для менее доверчивых читателей, которым заранее нужны некоторые обоснования, и в ней обсуждаются причины того, почему так важно рассмотреть теорию естественного состояния и почему можно ожидать, что она будет плодотворной. Эти причины по необходимости довольно абстрактны и метатеоретичны. Лучшее же обоснование — это сам результат, т.е. построенная теория.

Политическая философия

Фундаментальный вопрос политической философии, который предшествует обсуждению того, как должно быть устроено государство, — это вопрос о том, нужно ли вообще какое бы то ни было государство. Почему бы не жить в состоянии анархии? Поскольку теория анархии, если она обоснованна, отменяет сам предмет *политической* философии, уместно приступить к разработке последней с анализа ее главной теоретической альтернативы. Те, для кого доктрина анархизма не лишена привлекательности, решат, что, возможно, на этом политическая философия и *заканчивается*. Другие будут нетерпеливо ждать, что же будет дальше. Однако, как мы увидим, и «архисты», и анархисты, те, кто осмотрительно продвигается из исходной точки, и те, кто неохотно доказывает ее несостоятельность, могут согласиться

с тем, что начало изложения политической философии с теории естественного состояния имеет *объяснительную* цель. (Такая цель отсутствует, например, когда изложение эпистемологии начинается с попытки доказать несостоятельность скептицизма.)

Какую анархическую ситуацию нам следует подвергнуть исследованию, чтобы ответить на вопрос: почему не анархия? Возможно, та, которая имела бы место, если бы прекратила существование реально наблюдаемая политическая ситуация и на ее месте не возникло бы какой-либо другой мыслимой политической ситуации. Но не говоря уж о ничем не оправданном допущении, что при этом все и везде окажутся в одной и той же безгосударственной «лодке», и о невероятной сложности задачи вывода из сделанного контрфактуального предположения характеристики конкретной ситуации, эта ситуация не будет представлять существенного теоретического интереса. Разумеется, если бы безгосударственная ситуация оказалась достаточно ужасной, было бы достаточно оснований воздержаться от демонтажа или разрушения конкретного государства ради замены его безгосударственной системой.

Более перспективно было бы сосредоточиться на фундаментальном абстрактном описании, которое охватит все представляющие интерес ситуации, включая «то, где бы мы были теперь, если бы...». Если это описание окажется достаточно мрачным, тогда государство стало бы предпочтительной альтернативой, воспринимаемой с такой же радостью, как и поход к дантисту. Но такие кошмарные картины редко бывают убедительными, и не только в силу своей непривлекательности. Психология и социология — слишком неточные дисциплины, чтобы позволять столь пессимистические обобщения относительно всех людей и всех обществ, особенно когда рассуждение основывается на том, чтобы *не делать столь же* пессимистических предположений о том, как функционирует *государство*. Люди конечно же кое-что знают о том, как функционируют реальные государства и их оценки могут быть различными. Учитывая чрезвычайную важность выбора между государством и анархией, из осторожности можно было бы использовать «минимаксный» критерий и сосредоточиться на пессимистической оценке безгосударственного состояния: государство сопоставлялось бы с наиболее пессимистическим описанием гоббсовского естественного состояния. Но при использовании минимаксного критерия гоббсовскую ситуацию пришлось бы сравнивать с наиболее пессимистическим вариантом описания государства, включая описания государств, возможных в *будущем*. Без сомнения, при таком сопоставлении выиграет наихудшее возможное естественное состояние. Те, кто рассматривает государство как мерзость, сочтут критерий мини-

макса не слишком привлекательным, тем более что всегда есть возможность вернуться к государству, если это покажется желательным. В то же время «максимаксный» критерий будет исходить из самых оптимистических предположений о том, как все будет происходить, — если угодно, как у Годвина. Но опрометчивый оптимизм также неубедителен. На самом деле, ни один из предлагавшихся критериев выбора в условиях неопределенности здесь не убедителен, равно как и максимизация ожидаемой полезности в условиях столь неопределенных вероятностей.

Более уместным, особенно при принятии решения о том, каких целей нужно стараться достичь, было бы сосредоточиться на безгосударственной ситуации, в которой люди в целом соблюдают моральные ограничения и ведут себя так, как должно. В этом предположении нет чрезмерного оптимизма — не предполагается, что все люди действуют именно так, как следует. Однако такое естественное состояние — лучший вариант анархии, на который можно рассчитывать. Поэтому исследование ее природы и недостатков имеет ключевое значение для выбора между государством и анархией. Если бы удалось показать, что государство превосходит даже эту, самую благоприятную, ситуацию анархии, лучшую из тех, на какие можно реалистично надеяться, или что оно возникнет в результате процесса, не включающего морально неприемлемых шагов, или что, возникнув, оно явит собой улучшение, то это будет основанием для существования государства; это будет оправданием государства*.

Такое исследование поставит вопрос о том, являются ли морально допустимыми все те действия, которые люди должны совершить, чтобы основать государство и обеспечить его функционирование. Некоторые анархисты заявили, что мало того, что нам было бы лучше без государства, но что любое государство нарушает моральные права людей, в силу чего оно аморально по самой своей сути. Наша отправная точка, таким образом, хотя и не является политической, но по замыслу вовсе не чужда морали. Моральная философия образует основание и определяет границы для политической философии. Что позволено или не позволено одним людям по отношению к другим, ограничивает то, что им позволено делать через аппарат государства или для создания такого аппарата. Моральные запреты, которые позволительно

* Эта идея отличается от теории, которая представляет процесс возникновения государства из естественного состояния как естественный и неизбежный процесс *упадка*, что можно сравнить с тем, как медицина понимает процессы старения или умирания. Такая теория не даст «оправдание» государству, хотя может примирить нас с его существованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru